

Содержание

Пролог

КРИПТОНИТ.....	7
----------------	---

ЧАСТЬ I

Глава 1

БОЛЬШЕ НИКОГДА.....	17
---------------------	----

Глава 2

СЕКС И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	47
------------------------------	----

Глава 3

ДИКИЕ ГОДЫ.....	88
-----------------	----

Глава 4

МАТЬ НАРОДА.....	112
------------------	-----

Глава 5

ДЕЛО В НЕЗАВИСИМОСТИ.....	145
---------------------------	-----

Глава 6

ЛЕБЕДИНЫЕ ПЕСНИ.....	164
----------------------	-----

Глава 7

С ЮБИЛЕЕМ.....	198
----------------	-----

Глава 8

СЛУЖЕБНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	203
-----------------------------	-----

Глава 9

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА ДЛЯ КАМИЛЛЫ.....	226
-----------------------------------	-----

ЧАСТЬ II

Глава 10

ПРИНЦЫ НАШЕГО ДВОРА.....	265
--------------------------	-----

Глава 11

ПОТЕРЯННЫЕ МАЛЬЧИШКИ.....	288
---------------------------	-----

Глава 12	
ВХОДИТ КЕЙТ.....	306
Глава 13	
ТА, КОТОРАЯ СТАНЕТ КОРОЛЕВОЙ.....	339
Глава 14	
БОЛЬШОЙ ПОБЕГ.....	362
Глава 15	
ИЩЕЙКИ.....	381
Глава 16	
ГЛОРИАНА.....	414
Глава 17	
ГЕРЦОГ-КАТАСТРОФА.....	447
Глава 18	
НЕУДОБНЫЙ ДРУГ.....	480
Глава 19	
ПОД НОМЕРОМ ШЕСТЬ В ВЫЗЫВНОМ ЛИСТЕ.....	501
Глава 20	
ВЫГОРАНИЕ ЗВЕЗДНОГО МАЛЬЧИКА.....	541
Глава 21	
ВЛЮБЛЕННЫЕ.....	559
Глава 22	
КОРОЛЕВСТВО ЧУДЕС.....	580
Глава 23	
ВСЕ БЫСТРЕЕ ПОД ОТКОС.....	601
Глава 24	
ПРИВАТНОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ.....	627
Глава 25	
ТАКТИКА ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛИ.....	657
Эпилог	
УГЛИ.....	681
 Благодарности	 703
Источники	717

ПРОЛОГ

КРИПТОНИТ

Вышедшее в эфир в марте 2021 года интервью Опры Уинфри с принцем Гарри и Меган, герцогом и герцогиней Сассекскими, стало одним из самых громких в истории телевидения. Минул год с тех пор, как супруги спешно покинули королевский дворец. Теперь они сидели в тени пальмовых листьев в саду поместья в Монтесито, ставшего им калифорнийской Эльбой, спрятанной от любопытных глаз на утесе высоко над побережьем Тихого океана. Очки Опры, выполненные в стиле оверсайз, поблескивали, увеличивая ее и без того распахнутые в удивлении глаза, когда она слушала невероятные откровения о доме Виндзоров.

«Вы сами выбрали молчание или вас заставили?» — под зловещую мелодию требовала ответа жрица экрана в коротком тизере двухчасового интервью. В кадре появлялась Меган с ее прищуренными глазами, а затем изображение резко сменялось черным экраном до того, как зрители могли услышать ответ. Это интервью за три дня посмотрели 49 миллионов человек со всего мира. Глаза герцогини густо подведены тенями — такой же «драматический» макияж был на Диане, принцессе Уэльской, во время ее знаменательной беседы с Мартином Баширом. Волосы Меган были уложены в низкий пучок — словно в соответствии с тяжестью прозвучавших признаний. Поклонники хвалили брошь в виде цветка лотоса (символ воскрешения!), приколотую на перехваченное поясом высоко

над округлившимся животом герцогини длинное черное платье от Armani.

Не обошли вниманием любители анализировать королевский протокол и «теннисный» браслет от Cartier на левом запястье герцогини. Раньше он принадлежал покойной матери ее мужа и сейчас был призван, видимо, символизировать, что звание дамы, оскорбленной королевской семьей, отныне перешло к Меган. Гарри в Twitter, напротив, раскритиковали за спущенные носки и неприметный костюм от J. Crew. В основном герцог Сассекский жаловался на то, что отец, принц Уэльский, неправильно понял его стремление к финансовой самостоятельности и лишил сына поддержки деньгами.

Вот список преступлений королевской семьи по версии великого дома Сассексов: игнорирование психического состояния Меган на государственном уровне, бездействие дворца в отношении нападок прессы и семейная ревность. Главным было обвинение неназванного члена королевской семьи в расизме: его «беспокоило», насколько темной окажется кожа у еще не родившегося Арчи.

Это и стало их криптонитом.

Принц Уильям, которого после этого интервью преследовала пресса, прокомментировал обвинение очень кратко: «Мы совершенно не расистская семья». Но откуда ему знать? Меган Маркл — первая не белая женщина, вышедшая замуж за представителя фамилии Маунтбеттен-Виндзор. Среди служащих Букингемского дворца людей с иным цветом кожи всего 8,5%.

В бурном море социальных сетей по обе стороны Атлантики немедленно наметилось два течения. Американцы, так и не простившие Виндзоров за отношение к принцессе Диане, в основном поддерживали герцога и герцогиню Сассекских, решившихся выступить против британской монархии, давно превратившейся в ветхий парк аттракционов. На фоне

набивавшего популярность движения Black Lives Matter обвинения в расизме только подтверждали, что эра этих динозавров давно прошла. В дискуссии приняла участие даже Джен Псаки, пресс-секретарь Белого дома. Она похвалила Меган, открыто говорившую о тревожном расстройстве и депрессии, за смелость.

Реакция большинства британцев была противоположной: их возмутило такое неприкрытое отсутствие уважения к монархии. Выдвинутые супругами сомнительные, ничем не подтвержденные обвинения вызвали ярость. Особенной критике подвергли заявление Меган Маркл, что поговорить о суицидальных мыслях она могла только с сотрудниками отдела кадров Букингемского дворца, о котором мало кто слышал. Да и сама по себе эта фраза звучала скорее как цитата из ситкомов Рики Джервейса для ВВС. Ведь был, в конце концов, Гарри, который не только сам несколько лет проходил терапию, но и стал одним из лидеров — наравне с принцем Уильямом и Кейт — королевской кампании Heads Together*, призванной положить конец стигматизации душевных расстройств. Похоже, ему было слишком тяжело наблюдать за теми проблемами, с которыми столкнулась Меган, пытаясь приспособиться к жизни во дворце. В этом споре молодежь по обе стороны океана объединилась в восхищении герцогиней Сассекской, сумевшей спасти милого и сексуального мужа от чопорной и равнодушной родни.

А вот на признание Меган, что она оказалась практически не готова к жизни внутри королевской семьи, почти никто не обратил внимания. Для меня же это замечание прозвучало

* Heads Together — кампания по охране психического благополучия, которую Королевский фонд проводит в партнерстве с несколькими другими организациями. Основная ее цель — избавиться от стигматизации расстройств психики и психологических проблем и сформировать в обществе новый взгляд на этот вопрос. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. пер.*

особенно загадочно — и интересно. «Я и не представляла, какой меня ждет труд, — сказала она Опре. — Что значит выполнять королевские обязанности? Что ты должен делать?.. Американцы знают о королях и королевах только то, что прочитали в сказках... Я росла в Лос-Анджелесе, где на улицах постоянно встречаешь знаменитостей. Очень легко решить, будто и члены королевской семьи тоже “известные люди”. Вот только все совершенно по-другому».

Ну так-то да. Предположить, что старшие представители королевской семьи, выросшие за городом, одержимые долгом и связанные традициями по рукам и ногам, будут хоть немного похожи на звезд Голливуда, мог только совершенно неподготовленный человек. Звезды вспыхивают и гаснут. Монархи играют вдолгую. Интерес публики к ним не исчезнет до тех пор, пока их интересы совпадают с интересами народа. Однажды бабушка королевы Елизаветы, королева Мария, сказала кому-то из родственников: «Вы — член британской королевской семьи. Никто из нас никогда не устает, и все обожают больницы».

Ослепительный блеск короны, так завожоживший Меган, был не более чем оптической иллюзией. Да и как ей было догадаться, что органический торт с начинкой из бузины и лимона, который приготовили к ее свадьбе в волшебном Виндзорском замке, ничем не отличался по свойствам от пирожка с надписью «Съешь меня» из «Алисы в Стране чудес». Пока популярность герцогини Сассекской на мировой арене росла, ей самой приходилось, образно говоря, уменьшаться в размере, чтобы соответствовать негласному регламенту служения Короне.

Само то, что Меган не смогла подготовиться к переменам не менее серьезным, чем принятие пострига, оказалось сюрпризом для многих ее бывших коллег по сериалу «Форс-мажоры» (Suits), где она играла роль второго плана на протяжении семи лет. По их словам, за будущей герцогиней

закрепилась слава актрисы, которая «всегда делала домашнюю работу» и в поисках дельных советов бесконечно допрашивала любого, кто мог быть полезен.

Странно, что она не поступила так же, готовясь к самой важной роли в своей жизни. Кардиохирург Хаснат Хан, мистер Великолепный, с которым встречалась Диана после развода с Чарльзом, так и не женился на принцессе, прежде всего потому, что знал: он не выдержит жизни, подразумевающей постоянное появление на первых полосах желтой прессы.

Бывший служащий королевского двора сказал мне следующее:

«С самого начала мне казалось, что у Меган совершенно нет опыта, который мог бы помочь ей понять устройство дворца. И во дворце ни у кого не было подходящего опыта, чтобы понять Меган. В итоге вышло столкновение двух миров, обитатели которых не имели друг о друге ни малейшего представления».

Британская монархия — это структура, функционирующая более тысячи лет. Женщине, которая стояла во главе страны последние семь десятилетий, было девяносто шесть лет, когда она умерла в 2022 году, ее сменщику — больше семидесяти, и он привык ждать. Глупо рассчитывать, что подобная организация может быть гибкой. Ее социальный капитал складывается из последовательного исполнения одних и тех же скучных обязанностей. Иногда по этому замершему леднику пробегает рябь, вызываемая, как правило, значительными потрясениями, грозящими разрушить всю структуру. Отречение Эдуарда VIII, который решил жениться на дважды разведенной американке Уоллис Симпсон, заставило двор суровее относиться к чужакам. Гибель Дианы и последовавшая народная истерия вынудили королевскую семью пересмотреть свои взгляды и стать более

открытой. Наконец, случился «Мегсит», в результате которого герцог и герцогиня Сассекские, выбирая между Содружеством и Netflix*, предпочли деньги. Пройдет еще несколько лет, прежде чем мы узнаем, насколько серьезно монархия отнеслась к тому, что в ее структуре не отражено расовое разнообразие страны, которую она символизирует и на благо которой трудится.

Монархия несомненно изменится. В 1955 году принцесса Маргарет не могла выйти замуж за человека, которого любила, потому что он был разведен. Спустя двадцать шесть лет принца Чарльза заставят жениться на двадцатилетней девственнице с приличным приданым. А в 2018 году Королева благословит на брак со своим внуком разведенную американку смешанного происхождения. Все эти события наглядно демонстрируют: основная цель монархии — выжить.

«Я и правда не искала никакой информации», — призналась Меган Опре во время интервью.

Что ж, а я искала. За два года моими собеседниками стали свыше 120 человек — мы встречались лично, а потом и в Zoom, когда пандемия COVID-19 наложила на весь мир ограничения. Многие из них тесно общались со старшими членами королевской семьи и придворными в беспокойные годы после смерти Дианы.

Именно на этой четверти столетия я и хотела бы сосредоточиться. Впрочем, самым замечательным в монархии оказалось то, что темы — и проблемы, — которые с ней связаны, то и дело повторяются, находя воплощение в таких человеческих и простых смертных героях. Чтобы в полной мере понять происходящее в доме Виндзоров сегодня, нужно понять и силы, под воздействием которых он сформировался, будь то отдельные люди или исторические события. Поэтому книга

* То есть между придворной жизнью и популярностью.

разбита на главы, посвященные тем персонажам, которые оказали влияние на современную историю монархии. Это Диана, Камилла, Чарльз, Филипп, Маргарет, Эндрю и новое поколение — Уильям, Гарри, Кейт, Меган — с семьями. Мы совершим путешествие во времени, вернувшись к годам Второй мировой войны, и будем двигаться навстречу девяностым. Увидим, как развивалась Британия нулевых и как Лондон достиг своего пика к Олимпийским играм, переживем раскол общества во время Брексита и общую боль мировой пандемии. Встретимся с премьер-министрами и влиятельными придворными, королями пиара и скромными прихлебателями, любовниками, соперниками и даже заклятыми врагами. Проанализируем слои аристократического общества и сложные взаимоотношения между королевской семьей, средствами массовой информации и публикой.

В итоге, позволю себе надеяться, мы наконец станем чуть ближе к пониманию женщины, которая важнее всех: Королевы.

Если бы только Меган могла прочитать эту книгу до того, как собрать вещи и сесть в самолет, который унесет ее от дома в Торонто в Англию, где будущая герцогиня начнет планировать свадьбу с младшим сыном наследника британского престола... Тогда она поняла бы, что в мире нет корпорации более влиятельной, чем Фирма*.

* Так иногда называют весь институт британской монархии.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

БОЛЬШЕ НИКОГДА

Королевская семья против мира, в котором больше нет Дианы

I

Если взглянуть на британскую монархию начала XXI века, облако черной меланхолии, которое накрыло не только членов королевской семьи, но и их друзей, слуг и тех, кто привык жить за их счет, становится почти осязаемым. В 2006 году, спустя почти десять лет после смерти принцессы Дианы, я собирала материалы для ее биографии, и поиски то и дело приводили меня в разбросанные по всему Лондону обшарпанные служебные квартиры тех, кто когда-то работал на Фирму. Запах ковров, лежавших в подъездах этих домов, неизменно пробуждал во мне тоску, рождая мысли о постепенно наступающей старческой слабости и бессмысленном, хоть и благородном самопожертвовании. На третьем этаже вечно гас свет: так были настроены таймеры на лестничных площадках. Дверь, в которую я стучала, обычно вела в маленькую двухкомнатную квартиру, уставленную книжными шкафами, на полках которых ютилось множество изящных мелочей — реликты жизни и службы во дворце. Но что все эти люди получили в обмен на благоразумие и верность институту

монархии? «Одобрение» Королевы, акварель работы Сигоу и несколько благодарственных писем за высочайшей подписью.

Заметнее всего этот упадок был на поминальной службе по кузену Королевы, светскому фотографу лорду Патрику Личфилду, которая прошла в марте 2006 года в Гардс-Чапел в Веллингтонских казармах Вестминстера. Я оказалась на ней потому, что часто работала с очаровательным и вежливым Личфилдом в начале восьмидесятых, когда была редактором *Tatler*. Однажды мне довелось даже провести весьма шумные выходные в его обществе, освещая Гран-при Монако. Компанию нам тогда составили еще двое легендарных фотографов: Хельмут Ньютон и Дэвид Бейли.

В тот дождливый день часовня была заполнена в соответствии с придворным циркуляром. Присутствовали пятидесяти-пятилетняя дочь Королевы, принцесса Анна (ее официальный титул — королевская принцесса), и Камилла Паркер-Боулз, всего лишь год тому назад, после свадьбы, получившая титул ее королевского высочества герцогини Корнуольской. За спиной некогда brave бригадира Эндрю Паркера-Боулза, экс-супруга Камиллы, облаченного в церемониальный наряд, заняли места на церковной скамье бывшие король и королева Греции. Камилла и Эндрю и после развода продолжали то и дело пересекаться в обществе. Людей, незнакомых с деталями королевского этикета, до сих пор удивляет тот факт, что Эндрю благословил брак Чарльза и Камиллы во время службы в часовне Святого Георгия и после этого отправился смотреть вместе с Королевой скачки Гранд-Нэшнл в боковой комнате Виндзорского замка.

— И никто больше не встает, когда входят греки. Разве это не ужасно? — прошипел Уильям Тэллон, бывший управляющий королеввы-матери*. Он также сделал вид, будто очень удивлен

* То есть супруги короля Георга VI Елизаветы Боуз-Лайон, матери королевы Елизаветы II и принцессы Маргарет.

отсутствием Елизаветы II на поминальной службе: — Она ведь его двоюродная сестра.

— Вот только она для него была сестрой больше, чем он для нее братом, — заметил стоявший справа от него Хьюго Виккерс, придворный биограф, и эти слова идеально описали отношение королевской семьи ко всем остальным. Принцесса Анна, сидевшая рядом с греческой делегацией, выглядела неряшливо одетой и неприветливой, при взгляде на Эндрю Паркера-Боулза на ум немедленно приходил коктейль с розовым джином. Дряхлый лорд Сноудон, бывший муж принцессы Маргарет, сестры Королевы, был явно не в духе и не скрывал этого, когда сын помогал ему опуститься на сиденье. Голову герцогини Корнуольской, облаченной в узкий костюм, напоминающий форму стюардессы, венчала похожая на коробку шляпка. Все эти люди могли позволить себе лучшего стоматолога с Харли-стрит, но у каждого из них были больные зубы в по-королевски безупречной улыбке.

До чего это было печальное зрелище, когда они покидали часовню! Даже представители младшего поколения выглядели бледными и недовольными. Стоило любому из них заговорить, как Тэллон склонялся ко мне, чтобы упомянуть проблемы с наркотиками. Как же не хватало здесь яркого появления во вспышках фотоаппаратов высокой светловолосой принцессы Дианы. Кто-то из гостей утверждал, что позже видел бригадира Паркера-Боулза — в том же костюме, что и на поминальной службе, — в лондонском метро: он буквально висел на поручне. Каплю очарования в это грустное сборище представителей королевской семьи удалось внести только Марии Кристине, принцессе Майкл Кентской, дворянке из Силезии, до брака работавшей дизайнером интерьеров. В конце 1970-х годов она вышла замуж за его королевское высочество принца Майкла Кентского, двоюродного брата Королевы. После того, как газета *The Mirror* опубликовала материал об отце принцессы,

служившем в СС, Диана стала называть ее Фюрершей. Впрочем, шагая по проходу между церковными скамьями, принцесса Майкл Кентская — длинные светлые волосы прикрыты элегантной черной шляпкой, мелкая вуаль не скрывает широкой улыбки — напоминала скорее валькирию. Вероятно, ей приходилось стараться за двоих: ее супругу в жизни удалось разве что отрастить бороду, усилившую его сходство с императором Николаем II, и спуститься с седьмой на пятьдесят первую строку в списке наследников престола.

В тот день стало особенно ясно: в королевском дворце снова воцарилось оцепенелое спокойствие, раздражающее журналистов и дарившее членам дома Виндзоров долгожданный отдых, за который они были так благодарны. Им непросто далась эта борьба за покой.

Диана погибла в 1997 году, и Королева ясно дала советникам понять — такое никогда не должно повториться. Под «таким» подразумевалась невероятная популярность принцессы, ставшая проблемой для британской монархии, поскольку яркая личность затмила всех членов королевской семьи и этой личностью не была ни Королева, ни наследник престола. В комнатах и башенках дворца звучала, как заклинание, одна и та же фраза: «Нам не нужна вторая Диана». Пресса, общество и подрастающее поколение Виндзоров должны были четко понимать: корона — не социальный лифт, дальние родственники семьи — не монархи. Только действующий правитель и прямые наследники имели значение. Только они могли говорить о своей принадлежности монархии. Все остальные — даже те, кто смотрел с балкона Букингемского дворца на пролетающие в небе в честь дня рождения Королевы истребители — нужны были для того, чтобы служить славному образу Короны, поддерживать его и улучшать. Да, все они из знатных родов, но им суждено лишь готовить сцену для исполнителя главной роли.

Мировая известность принцессы Дианы, которую ничто не предвещало, когда королева-мать впервые отметила ее, идеальную английскую розу, как пару для принца Чарльза, обрушилась на Букингемский дворец подобно метеориту. Жар ее сияния оплавил даже королевскую тиару. В этом безжалостном свете остальные члены семьи впервые задумались об отводимой им роли и ее важности.

Сперва Диана показалась спасительницей. В конце 1970-х годов в Великобритании преобладали мрачные настроения — наследие эпохи лидерства лейбористов в Парламенте, запомнившейся экономической напряженностью. Монархию все чаще называли пережитком былых времен. Группа Sex Pistols даже выпустила в 1977 году насмешливую и весьма агрессивную песню «God Save the Queen», ставшую своеобразным гимном панк-музыки. Зимой 1978/79 года, вошедшей в историю как Зима недовольства, водители машин скорой помощи, мусорщики и могильщики устроили забастовку. Неудивительно, что появление юной леди Дианы Спенсер для королевской семьи стало глотком свежего воздуха, а для общества — прекрасным способом отвлечься. Виндзоры получили в распоряжение джинна в волшебной лампе, но понятия не имели, как вести себя, когда джинн вырвался на свободу.

До появления Дианы внимание и симпатии подданных распределялись в соответствии со строгой иерархией. Большая их часть доставалась Королеве наравне с королевой-матерью (описанной, если верить поиску Google, как «ослепительная» более девяти миллионов раз). Принцесса Маргарет и в шестьдесят лет еще пользовалась репутацией юной и прекрасной бунтарки. Следующим был принц Чарльз, которого оберегали от шуток про лопухость идеально пошитые костюмы и мастерская игра в поло. За ним — его младшая сестра, принцесса Анна, упрямая, неизменно блистательная на балах и не менее эффектная в костюме для верховой езды, позволявшем продемонстрировать

красивые ноги. Далее — принц Эндрю, любимый сын Королевы, уже прославившийся как офицер во время Фолклендской войны (и еще не прославившийся как друг американского финансиста-педофила). Когда он надевал форму, его вполне можно было назвать неотразимым. От принца Эдварда, младшего сына Королевы, который, по словам ее мужа, принца Филиппа, был немного плаксив (а сам Филипп, как не стоит забывать, представляет собой образец мужественности), никто многого и не требовал. К тому же он оказался весьма полезен Министерству иностранных дел: кто-то же должен встречать в аэропорту высокопоставленных лиц. Этот список можно было бы продолжать до бесконечности — точнее, до разнообразных Кентов и Глостеров, которые составляют пользующееся благосклонностью племя маргиналов, известное также как «младшие члены королевской семьи» и бесплатно проживающее в домах, принадлежащих Короне.

И тут — бац! — на мировую сцену вышла принцесса Диана, и публика больше и слышать не хотела ни о ком другом. Говорите, принцесса Анна за год совершила более 450 благотворительных пожертвований? Да кому это интересно. Принц Уэльский узнал, каково это, когда кто-то смотрит поверх твоего плеча на сиятельный образ в другом конце комнаты. Если члены королевской семьи присутствовали в дождливый день на открытии больницы в Гримсби, газеты публиковали только фотографии Дианы. Остальные не могли ни на что рассчитывать. Конечно, они злились — и боялись.

Монархия уже знала, какую опасность несет подобная слава. В 1920-х годах на сцену вышел Эдуард VIII, принц Уэльский, популярность которого была сравнима с популярностью рок-звезды: на первый взгляд, прогрессивный, общительный, способный на сочувствие. Его звезда закатилась, когда разведенная американка Уоллис Симпсон подтолкнула его к отречению от престола ради их брака. Можете называть это как

угодно — демонстрацией эгоизма или актом романтического самопожертвования, — но, так или иначе, в результате на трон взошел, став Георгом VI, младший брат Эдуарда, Берти, — сомневающийся во всем и болезненно робкий отец принцессы Елизаветы.

Многие годы Виндзоры были уверены, что всеобщее преклонение сбило Эдуарда VIII с пути следования монаршему долгу не в меньшей степени, чем слабость характера. Он был не пригоден для роли правителя. Безответственный и неблагонадежный наследник престола к тому же симпатизировал нацистам. Рассуждая об ошибках Эдуарда, премьер-министр Уинстон Черчилль однажды метко сравнил его характер с цветком, который садоводы-любители называют «утренняя слава»^{*} за то, что красота его угасает уже к полудню. После отречения герцог и герцогиня Виндзорские путешествовали по Франции и Соединенным Штатам, посещали замки и дворцы Европы, сорили деньгами, продолжая притворяться королевскими особами, и делали обескураживающие заявления. Иными словами, проблем от них было не меньше, чем если бы они остались в Соединенном Королевстве. Герцог много рассуждал о «нормальной работе», но королевская семья и британское правительство никак не могли решить, что хуже: если бывший король преуспеет в чем-то и создаст равное двору по значимости сосредоточение власти или если провалит начинание, опозорив тем самым монархию. Поэтому Эдуард и Уоллис продолжали пребывать в чистилище.

В период правления Георга V монархия, лишенная функций исполнительной власти, изобрела себя заново, превратившись в стража общественной морали нации и британского образа жизни. Все личное стало институциональным. В темные

^{*} Общее название для множества видов растений семейства вьюнковых (*Convolvulaceae*), от *англ.* — morning glory.

дни Второй мировой войны фотографии нуклеарной семьи его сына, короля Георга VI, служили символом борьбы добра со злом. Защита интересов самых близких — и их прямых потомков — стала основным (и подчас неоспоримым) приоритетом королевы-матери.

Король и королева верили, что иллюзию собственной значимости и стремление потворствовать опасным эмоциональным порывам Эдуарду внушило избыточное внимание общества. В особенный ужас их привело то, что он признался британскому народу в чувствах к Уоллис прямо во время трансляции в ходе отречения от престола. И без того сдержанную Елизавету растили в убеждении, что нужно всю жизнь возводить вокруг мыслей и чувств непоколебимые стены. За семьдесят лет правления Королева ни разу не давала интервью, и это сделало ее личность еще более загадочной. «Любой монарх, который вел бы себя более дружелюбно и открыто, сразу лишился бы этого особого очарования неприступности», — заметила как-то леди Элизабет Лонгфорд*. Бывшая гувернантка королевской семьи Мэрион Кроуфорд — при дворе ее называли просто Кроуфи — писала о том, с каким отвращением отнеслась принцесса Елизавета, которой тогда был двадцать один год, к толпе, скандирующей «Где Филипп?», когда слухи об их романе просочились за пределы дворца. Такое внимание напугало ее, она словно почувствовала себя товаром, выставленным на всеобщее обозрение.

За откровение, вошедшее в 1950 году в нашумевший бестселлер «Маленькие принцессы» (Little Princesses), срывающий покровы тайны с жизни королевской семьи, Кроуфи пришлось дорого заплатить. Ее слащавые рассуждения о буднях придворной гувернантки привели королеву-мать в ярость, ведь в них

* Британский историк, автор биографий, в частности Елизаветы II, Уинстона Черчилля и королевы Виктории. — *Прим. ред.*

содержались намеки и на ее холодность к дому Виндзоров, и на приступы гнева короля. Отметила — совершенно справедливо — Кроуфи и тот факт, что монархи не стремились дать дочерям высшее образование.

С тех пор о Кроуфи говорили только как о предательнице, лживой змее. Однако в 2000 году Хэмиш Микура снял для Channel 4 документальный фильм, в котором предположил, что статьи для *Ladies' Home Journal*, послужившие основой для книги, родились из неуклюжей попытки дворца и правительства популяризировать в Америке образ королевской семьи. Бедная Кроуфи была далека от желания кого бы то ни было предать, напротив: она исполняла волю королевы-матери, так ей казалось. Еще реалистичнее выглядит предположение, что недобросовестные редакторы журнала сами перерабатывали ее статьи в погоне за сенсацией, а ей позволили думать, будто их соглашение с королевской семьей допускает подобную свободу действий.

Как и многие герои биографий до и после нее, королева-мать прочитала рукопись и немедленно изменила точку зрения. Даже крупницы света, пролившегося на тайну, окружавшую королевский дворец, были ей невыносимы. «Наша бывшая гувернантка, которой мы полностью доверяли, совершенно сошла с ума», — написала она леди Астор. В итоге Кроуфи лишили возможности жить на территории Кенсингтонского дворца в Ноттингемском коттедже, который был подарен ей на всю жизнь, и члены королевской семьи перестали с ней разговаривать.

Поплатиться за принятое решение пришлось и принцу Филиппу, который позволил камерам ВВС проникнуть в святая святых дворца во время съемок документального фильма «Королевское семейство», вышедшего в эфир в июне 1969 года. Хотя лента получилась такой же чопорной и проходной, как и книга Кроуфи, для прессы она буквально транслировала

сообщение «Вы приглашены». Корона предусмотрительно сохранила за собой авторские права, и после премьеры полуторачасовой фильм, включавший кадры, на которых принц Филипп руководит приготовлением барбекю в замке Балморал, пока его семья демонстрирует присущее высшему классу идеальное произношение, перекидываясь шутками, пропал с экранов. Впрочем, в 2021 году кто-то выложил запись на YouTube.

Внешняя искренность Филиппа маскировала ту же скрытность, которая была присуща его жене. Детство будущего супруга королевы прошло в настолько нестабильных условиях, что все эти многочисленные слои эмоциональной защиты были необходимы ему для выживания. Дядю Филиппа, короля Константина I, в 1922 году вынудили после военного переворота отречься от греческого престола в пользу старшего сына. Принц Андрей, отец Филиппа, в том же 1922 году был арестован и предан военному суду, после чего отправился в изгнание в Париж. С ранних лет Филипп жил то в Англии, то во Франции, то в Германии. И конечно, рассматривая его в качестве претендента на руку дочери, королева-мать не обрадовалась тому, что в правившей Грецией датской семье доминировала немецкая ветвь. Все четыре старшие сестры Филиппа были замужем за выходцами из аристократических домов Германии, которые сочувствовали нацистам, а это неизбежно создавало некоторую неловкость в общении. Когда Филиппу было восемь лет, его матери, принцессе Алисе Баттенберг, правнучке королевы Виктории, диагностировали параноидальную шизофрению. После нескольких мучительных сеансов психиатрического лечения, таких же варварских, как применение пиявок, предписанное королю Георгу III, ее поместили в больницу. Между десятью и шестнадцатью годами Филипп не виделся с матерью. Они встретились вновь в Дармштадте на похоронах его любимой сестры, Сесилии, погибшей в авиакатастрофе вместе с мужем и двумя сыновьями. Позднее принцесса Алиса

основала религиозный орден и путешествовала по миру, облачившись в монашеские одеяния.

Принц Андрей до конца своих дней жил с любовницей в Монте-Карло, лишь изредка навещая сына. Война положила конец встречам. В годы учебы в Шотландии, в школе-интернате Гордонстаун, известной спартанскими условиями, Филипп никогда не знал, где и с кем из родственников будет проводить каникулы.

Писатель и телеведущий Джайлз Брандрет рассказал мне, как неоднократно — и безуспешно — пытался вывести резкого в общении Филиппа на разговор о сложностях такого лишённого корней детства, полного трагических событий.

БРАНДРЕТ. Вашему королевскому высочеству не казалось... хм... эксцентричной привычка матери облачаться в монашескую одежду?

ФИЛИПП. В каком смысле? В этом не было ничего эксцентричного! Это всего лишь одежда, понимаете? Она не тратила деньги на платья, укладки и прочую чепуху, просто одевалась как монахиня.

Детство вдали от близких только укрепило в Филиппе веру в то, что обеспечить существование монархии способна лишь верность долгу. Именно поэтому он не поддержал принцессу Маргарет, когда та влюбилась в разведенного главного конюшего, полковника военно-воздушных сил Питера Таунсенда, который был к тому же намного ее старше. Очаровательной и вечно скучающей Маргарет досталась роль сексуальной героини второго плана, к ней постоянно было приковано внимание прессы. Покуривая Balkan Sobranie через длинный мундштук, она кутила в роскошных клубах в компании богачей и оттеняла тем самым добродетель юной королевы. (Молодое поколение влюбилось в Маргарет заново после сериала «Корона», снятого для Netflix

Питером Морганом.) В те дни, как и позднее, Королева иногда чувствовала себя словно в ловушке между сиятельной матерью и склонной к романтической театральности сестрой.

Роман Маргарет поставил Елизавету перед выбором: на одной чаше весов оказалась любовь к сестре и стремление сделать ее счастливой вопреки рекомендациям советников, на другой — необходимость соблюдать конституцию. Королева долгое время бездействовала, в итоге решив проблему не по годам жестко. Согласно закону о королевских браках, принятому в 1772 году, Елизавета должна была дать согласие на союз сестры, если та собиралась выйти замуж до двадцати пяти лет. Дать его она не могла, поскольку была главой Церкви, выступавшей против свадьбы. Маргарет всегда винила в произошедшем только советников Королевы, но на самом деле та была полностью с ними согласна. Принцессе предложили подождать два года, то есть до тех пор, пока она не достигнет возраста, при котором согласия действующего монарха не требуется. И это сработало. Постепенно влюбленные разошлись. Отречение Маргарет от чувств к Таунсенду после расставания было исключительно практичным решением, принятым обеими сторонами. Осознав перспективу потерять титул ее королевского высочества, Маргарет поняла, чем грозит отказ от привилегий принцессы. Ей пришлось бы стать миссис Таунсенд и жить с мужем, который был на пятнадцать лет ее старше, и двумя его сыновьями от первого брака, на его жалованье. И никаких больше почетных эскортов, ванн, подготовленных личной служанкой, и круизов на королевской яхте *Britannia* (куда разведенных не пускали). Никаких королевских прав, никаких возможностей — Маргарет стала бы... обычной.

Какой бы ни была подоплека принятого ею верного решения, Маргарет на какое-то время осталась в глазах публики романтической героиней. Однако главная опасность сияния славы в том, что оно рано или поздно гаснет. После

расторжения брака со светским фотографом лордом Сноудоном пресса навесила на Маргарет ярлык избалованной придворной дивы, которая слишком много пьет и отпускает оскорбительные замечания. Интрижка с Родди Ллевеллином (он вполне мог бы сойти за младшего брата-близнеца Сноудона) на Карибском острове Мюстик стала достоянием общественности, и истории о Маргарет начали напоминать назойливо повторяющийся в журнале безвкусный рекламный разворот. Пресса всегда рассматривала Родди как мальчика-игрушку, не отдавая должного тому, кем он стал для принцессы на самом деле; а ведь этот очаровательный баронет и специалист по садовому дизайну сумел отнестись к Маргарет с добротой, которой ей так не хватало.

Пуškai Маргарет и жила как на подмостках, она ни разу не проявила неуважения к суверенитету сестры как главы государства. Ее бунт не нанес никакого ущерба непререкаемому авторитету Короны. Самим отказом от первой любви принцесса наглядно продемонстрировала обществу: она в полной мере понимает, что долг для членов королевской семьи всегда будет превыше чувств. Маргарет совершенно искренне возмущали любые нападки на Елизавету. Все конфузы ее личной жизни были порождены порывами сердца и выпали на те времена, когда социальные нормы общества, не скованного правилами придворной жизни, стремительно менялись. Какой бы громкой ни была сенсация, Маргарет никогда бы публично не призналась, что несчастна, как это позже сделала Диана. Тайнство монархии охраняла привычная максима: «Никогда не жалуйся и никогда не объясняй».

II

Появление Дианы стало испытанием для королевской семьи потому, что она куда лучше Маргарет понимала суть изменений в медиа и знала, как превратить СМИ в смертоносное

оружие. В том, как освещались безумные похождения сестры Елизаветы, еще чувствовалась былая сдержанность; к тому времени, как на сцену вышла Диана, сдержанность давно отступила под напором рынка.

Все публичные выступления Дианы словно предвосхищали веяния времени. Ее сенсационное интервью с Мартином Баширом, которое состоялось в ноябре 1995 года, стало не менее откровенным, чем знаменитые признания на шоу Опри. Позднее выяснилось, что Башир успешно манипулировал страхами Дианы. Ее брату, Чарльзу Спенсеру, он предоставил поддельные документы, согласно которым ближайшие друзья якобы подставили ее перед дворцом. Конечно же, это разожгло в ней желание говорить напрямую. Так ложь помогла Баширу взять интервью, которое стало самым громким в истории телевидения XX века.

Впрочем, Диане и самой не чужда была тактика уловок. Немало хитрости потребовалось, чтобы помочь съемочной группе проникнуть в Кенсингтонский дворец в воскресенье, когда у слуг был выходной. Оборудование доставили под видом новой музыкальной системы. Принцесса нанесла макияж — ярко подвела глаза, подчеркнула бледность кожи — и огоршила Королеву прямым вызовом ее авторитету. «Я хотела бы стать королевой людских сердец». (Какая дерзость!) «Принц Уэльский разошелся со мной». (Точный удар!) «Я стала проблемой. Точка. Такого никогда раньше не случалось, и они думали: “Что нам теперь с ней делать?.. Она не уйдет по-хорошему”». (Угроза!) В тот день прозвучала фраза, которая навсегда останется в истории: «В этом браке нас было трое». (Он изменял. Мне.)

Принято считать, что к интервью с Баширом Диана позднее начала относиться как к роковой ошибке. Она бы точно пожалела, что дала его, если бы узнала о нечестности журналиста. Однако при этом Диана ясно дала понять: она сказала перед